

Десанка Максимович

ЗЕЛЕНЫЙ ВИТЯЗЬ

Маленькое «Детская литература»

45 2

Десанка Максимович

ЗЕЛЕНЫЙ ВИТЯЗЬ

Избранные стихотворения

Перевод с сербскохорватского

Москва «Детская литература» 1977

И (Югосл)
М 17

Составитель и автор предисловия
О. КУТАСОВА

*

Рисунки Г. КЛОДТА

70803—405
М—————43Р—77
М101(03)77

© Составление. Предисловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ

Десанка Максимович — выдающаяся югославская поэтесса. Со стихами Десанки Максимович на ее родине впервые знакомятся в детстве — она много и постоянно пишет для детей. Во всех школьных хрестоматиях в ряду произведений классиков сербской поэзии вы непременно найдете стихотворения Д. Максимович. Так, с детства войдя в поэтический мир Д. Максимович, читатели не оставляют его до конца своих дней, вместе с поэтессой выходя на всё новые и новые жизненные и поэтические рубежи. А жизнь и поэзия Д. Максимович нерасторжимы.

Каждое слово, каждая строка ее стихотворений пережиты, прочувствованы, подсказаны сердцем. И это от него широта и философская глубина взгляда, богатство и щедрость души, мужество, доброта, органическая слитность личной судьбы с судьбой своего народа, с судьбой всего человечества. И еще одна примета истинной поэзии, свойственная ее творчеству, — верность себе, логике развития своего дара. Об этом можно

говорить с полным правом. За плечами Десанки Максимович больше пятидесяти лет работы в литературе, вернее, жизни в литературе. «Литература, — говорит поэт, — никогда не была для меня забавой, она для меня наивысшая радость и условие жизни. На своем творческом пути я встречала трудности лишь тогда, когда ставила перед собой задачи, не отвечавшие моим наклонностям»¹.

Успех к Десанке Максимович пришел сразу. В 1920 году в белградском журнале «Мисао» печатаются первые ее стихи; в 1924 году выходит первый сборник стихов и в том же 1924 году в «Антологии сербской поэзии», весьма представительной, ее поэзии уделено наибольшее внимание. И эти первые стихи — «Томленье», «Предчувствие», «Мы не виноваты», «Страх», «Предостережение», без малейшего налета ученичества, поэтической пробы, — живут и сегодня. И как сердца русских любителей поэзии и сейчас трогают строки ранней Анны Ахматовой «Настоящую нежность не спутаешь», так все новые и новые поколения сербских читателей покоряют чистота, ясность, неподдельность, свежесть чувств и мелодического звучания вечно волнующих стихов Десанки Максимович «О, не приближайся...», «Снятся мне — придешь ты...», «Я тебя увидела, когда таял снег...».

Сербская литература словно ждала ее появления. Крупнейший сербский критик и литературовед Милан Богданович, приветствуя первый сборник стихов Д. Максимович, отмечал, что она «поет как птица», то есть вольно, не сдерживаемая

Здесь и далее стихи Д. Максимович цитируются по изданию: Малорад Блечич «Десанка Максимович», Белград, 1971.

никакими условностями, литературными канонами, предрассудками. А сама Десанка в стихотворении того же первого периода определяет эту свою особенность так:

Не проста судьба моя чудесная:
собственного сердца я ловец.
Радовалось сердце или плакало,
его вздохи превращала в песню я
и теперь показываю всякому.
Собственного сердца я ловец.
Из кувшина радости и вымысла
пью сама, других пою людей.
О, без страха свое сердце вынесла
я на торг бурлящих площадей!

Десанка Максимович стала поэтом вдалеке от литературной среды, от борьбы литературных направлений и школ. После окончания гимназии в 1919 году она приехала в Белград из провинциального Валева с другим багажом. И багаж этот — детство, проведенное в прекраснейшем уголке Сербии, селе Бранковина. «Детство, — говорит Д. Максимович, — детские переживания — подлинный источник всех наших сил и вдохновений. Красота, восхитившая нас в то время, никогда не померкнет, с какими чудесами мы ни встретились бы позднее... Не сроднись я уже в детстве с языковым богатством нашего народа, кто знает, смогла ли бы я воссоздать мелодии, подобные мелодиям, которые мы слышим в природе. Не будь у меня моего детства, кто знает, стала ли бы она моим творческим приобщением, вдохновением, самым близким мне проявлением жизни».

Д. Максимович родилась в 1898 году в семье

сельского учителя. Культурный мир семьи сочетался с непосредственной близостью к природе, к жизни народа во всей ее конкретности и вещности, знание которой сызмалу органически входило в сознание будущего поэта и позднее позволило ей создать такие шедевры, как «Мои земляки», «Пассажир третьего класса», «Хлеб месяц».

Своей причастности к народу она никогда не изменяла, как не изменяла ничему, что однажды входило в жизнь ее души.

Белград, университет, потом Париж и Сорбонна, мир литературы и искусства. Однако темой магистерской диссертации она выбирает предводительницу крестьянского восстания Жанну д'Арк, и вот уже ей приходится вступать в полемику с теми, кто утверждал, что ее поэтическая сфера — любовь и только любовь. В стихотворении «Ответ современнику» Десанка Максимович так отвечает своим оппонентам:

Все реже о любви пишу стихи я.
Все реже голоса слышны в них молодые.
Да, у моих стихов теперь иные темы,
и заняты они вещами теми,
которые, на первый взгляд,
поэзии немногое сулят.

.
Когда слагаю песни о деревне,
стоят крестьяне за любым стихом.
Любой рассвет, изображенный мной,
по-сельски пахнет молоком и сеном.
Я детство провела среди крестьян,
и мне естественно писать о них.

Расширение границ поэтического мира Десанки Максимович, произошедшее в начале тридцатых годов, было закономерным этапом в развитии ее как личности и как поэта, а как говорит она сама, «человек во мне помогает поэту, а поэт — человеку». В это время Д. Максимович особенно явственно ощутила обоюдную теснейшую связь со своим народом. Борьба с фашизмом в годы второй мировой войны лишь подтвердила это. Стихи, созданные в это время, «Сербия — великая тайна», «Кровавая сказка» и другие, стали своеобразным памятником героическим и трагическим дням борьбы вольнолюбивых югославских народов за свою свободу, честь и достоинство. Не склонив головы перед силой и военной мощью фашистских насильников, они ответили партизанской войной. Недаром строки «Кровавой сказки» высечены на мемориальном памятнике жертвам фашизма в Крагуеваце, где фашисты расстреляли все мужское население города — от малых детей до немощных стариков.

И после войны Д. Максимович со своим народом. В составе бригад поэтов она ездит по стране, читает стихи на молодежных стройках, заводах, в школах и библиотеках и, конечно, пишет стихи. О чем? О тех, кто сомневается в правильности пути, на который встала родина, об освобождении женщины из пут патриархальности и домостроевщины, о детстве, о проходящей молодости, об осеннем увядании природы и весеннем буйстве красок и звуков, о смерти и одиночестве, о памяти, о боли, о страданиях, о любви и милосердии, то есть все о той же извечной жизни сердца и души. Как пишет? На этот вопрос труднее ответить так же коротко, как на первый. Обладая

абсолютным поэтическим слухом, Д. Максимович видит, слышит, ощущает в природе, в людях, в их отношениях такое множество красок, оттенков, звуков, мелодий, ароматов, душевных движений и нюансов и так зримо, точно, неповторимо умеет облечь это в адекватную поэтическую форму, что, читая ее стихи, чувствуешь себя приобщенным к необозримым богатствам мира, которыми безраздельно владеет поэт и которыми щедро делится с тобой.

В послевоенные годы Д. Максимович создала целый ряд книг — «Поэт и отчизна» (1946), «Запах земли» (1955), «Пленник снов» (1960), «Говори тихо» (1961), «Требую помилования» (1964), «Нет больше времени» (1973), «Летопись потомков Перуна» (1974), «Стихи из Норвегии» (1977). Особое место в ее творчестве занимает книга «Требую помилования». Книга эта, получившая всеобщее признание, вобрала в себя, как большая, полноводная река, темы, мотивы, мысли, образы, к которым поэтесса неоднократно обращалась на протяжении многих лет, и придала им более обобщенный философский и нравственный смысл. Книга имеет подзаголовок: «Спор поэта с Законником царя Душана». Как видим, снова спор, дискуссия. На сей раз оппонентом выступает сербский царь Стефан Душан (1331—1355). О чем спорить современному поэту и средневековому деспоту?

Законник Стефана Душана, вступивший в силу в 1349 году, относится к периоду короткого, но бурного расцвета средневекового сербского государства. На нем заметно влияние византийского права и в то же время в определенной мере в нем нашли отражение местные обычаи

и традиции. Это важнейший документ социально-экономических норм сербского средневековья. Стремясь к централизации своего разросшегося государства, Стефан Душан дал четкую регламентацию экономического и общественного положения всех к тому времени уже сформировавшихся классов — феодалов, крупных и мелких, духовенства и крестьянства. Законник всем им определяет место в жизни. Кому какое? Об этом сказано в стихотворении или, правильнее сказать, главе книги «О хлебопашце».

Хлебопашцу — два дня в неделю
на земле феодала трудиться.
Один день косить с рассвета,
один день рыхлить виноградник,
один день палящего лета
таскать камни
для царской дороги.
Один день молоть жерновами
монастырскую меру пшеницы.
Один день — на починку господской кровли,
еще один день — готовить семя
для полей своего властелина.
Ну, а прочие дни недели
может он для себя потрудиться.

О степени регламентации жизни подневольных крестьян говорит, например, такая статья Законника: «И если в селе есть желуды, то половину желудей царю, а половину владельцу села». Помята та горечь и сарказм, с которой поэт просит помиловать хотя бы желудь, хотя бы его оставить на радость голодным детям, когда они его найдут в траве.

Царь Душан — за справедливость, за равенство. «Бедная пряжа так же свободна, как и поп», — провозглашает одна из статей Законника, и поэт передает ее в главе «О бедной пряже». Но чего стоит эта справедливость, когда для знатных — один закон, для простых — другой, когда «благородный и первосвященник да будут мягче судимы, чем землепашец простой».

Читатель найдет в книге поэтическую интерпретацию многих законов средневекового деспота — «О вонне», «О женитьбе сына», «О беглом рабе» и др., в которых отразились не только социально-экономические, но и этические нормы того времени. Художественная сила этих глав в том, что конкретно-исторический факт поэт поднимает до уровня философского обобщения, применимого к любому обществу, где существует социальное и правовое неравенство, где существует строгая регламентация в образе мысли и поведения людей.

Несмотря на многие нити, связывающие книгу «Требую помилования» с Законником, ее ни в коем случае нельзя рассматривать лишь как поэтический комментарий к историческому документу. Законник Стефана Душана послужил только отправной точкой, подсказал ту художественную форму, в которую вылился накопленный всей жизнью поэта поэтический материал. По своему содержанию книга шире и богаче.

Сильно и мощно звучит в книге голос поэта, взявшего на себя защиту тех, против которых направлен Законник. Тема заступничества, милосердия — одна из самых постоянных и животрепещущих в поэзии Д. Максимович. Она тоже имеет свое развитие. В ранних стихотворениях поэт часто решает эту тему в символическом плане.

В тридцатые годы, как мы видели, Десанка Максимович признается «в своей безмерной нежности к деревне, ко всем, кто угнетен и оскорблен». В конце пятидесятих годов она скажет: «Я девочкой стояла за Перуна, за то, что ниспровергнутый он бог». В книге «Требую помилования» эта тема раскрывается во множестве аспектов. Милосердие, заступничество Д. Максимович ничего общего не имеет со всепрощением. Иной раз, аргументируя свою защиту перед лицом царя Душана, она взывает к здравому смыслу государя:

Помилуй, царь, простого человека,
он жизни не изменит,
он приводит вслед за собою десять
сыновей. . .

Иной раз ее защита продиктована простой человеческой жалостью к солдатам, отправленным царем на чужбину, на верную гибель; иной раз — соображениями высшей справедливости, когда поэт в гневе поднимает свой голос за тех, «кого не слышит закон, кому ни старосты, ни цари не заступа ничуть». Часто ее милосердие лишь проявление мудрости: ведь для иных нет большего наказания, чем их собственная жалкая судьба — без радости, любви и света: «Помилуй их проклятье!» («В защиту Марий Магдалин»), «... нет казни страшней, чем злобная зависть, грызущая живые сердца людей» («В защиту завистников»). Часто защита оборачивается тяжким обвинением («В защиту знатных»).

Постепенно мы видим, как расширяется и круг оппонентов. Звучат уже не два голоса — царя Душана и поэта, книга все больше приобре-

тает полифоническое звучание. В главах «В защиту земли, песни творящей» и «В защиту тех, кто не умирает вовремя» спор уже явно идет не с царем Душаном, а с иными современниками поэта за право художника не следовать переменчивой моде, сохранять верность извечным темам поэзии, какими бы банальными и шаблонными они ни провозглашались, оставаться верным себе.

Поэт полемизирует с обывательским стремлением осуждать все, что из ряда вон, что выбивается из привычного уклада жизни. Ей как раз дороги и нелепые, и те, кто спотыкается о порог, и непонятые, и те, кто царю поперек пути, и те, кто слушается только своего сердца, пусть даже себе во вред. Мы слышим и их голоса тоже.

Все разноголосье жизни врывается в книгу. Перелистывая ее главы, поистине главы, так много, несмотря на то что иногда в них пятнадцать — двадцать стихотворных строк, в них сказано, — поражаешься обилию человеческих характеров и психологических типов, лаконично, но в высшей степени емко созданных поэтом. Зачастую они заключают в себе целые романы о судьбах людей.

Так, переключка веков обернулась диалогом двух нравственностей: нравственности, порожденной угнетением, подавлением личности, регламентацией дел и помыслов человека, и высокой нравственностью гуманиста, основанной на уважении человека, его свободы, его самоценности, его индивидуальности.

Спустя десять лет поэтесса вновь обратится к истории (книга «Летопись потомков Перуна»), спустится в еще более глубокие ее этажи — в десятый век — и воскресит то время и людей

того времени, заставит читателя проникнуться их заботами и бедами, проблемами их существования, как своими собственными, тем более что эти проблемы, заботы и беды, невзирая на их отдаленность во времени, оказываются не такими уж чуждыми современному человеку: братство и солидарность славянских племен в защите своей земли от чужеземных посягательств, право каждого народа на свой язык, свои обычаи, свои верования, равенство всех перед жизнью и смертью, стремление к истине и справедливости, отношение к войне как к злу и насилию. Но все эти такие близкие нам проблемы решены на конкретном историческом и этнографическом материале жизни балканских народов с массой точных деталей, словно воочию увиденных поэтессой. Недаром Д. Максимович в одном из стихотворений говорит: «Я жила, когда люди не знали, что ходят голые, когда на свете не было ничего дороже огня». Ей действительно удастся воссоздать во всей достоверности атмосферу тех далеких дней и при этом весьма много сказать современному читателю о его времени.

А между двумя историческими полотнами создана книга под выразительным названием «Нет больше времени» (1973). Да, в жизни наступает момент, когда у человека уже не остается времени «на длинные фразы и на долгие переговоры», когда наступает пора подведения итогов, осмысления пройденного пути. Стихи «Наследство», «Завещание» обращены к будущим поколениям, в них опыт мужественного человека, верного идеалам добра и справедливости.

В Югославии, пожалуй, нет писателя, который пользовался бы такой всеобщей любовью и при-
з-

нением, как Десанка Максимович. Хорошо известна она и в Советском Союзе. Ее произведения — и стихи и проза — переводились на русский язык и языки других народов СССР. Творчество Десанки Максимович принадлежит к значительным достижениям лирики двадцатого века.

О. КУТАСОВА

ЗЕЛЕНый ВИТЯЗЬ

К МОЛОДОСТИ

О молодость, молодость!
Говорят, ты исчезнешь, как тают миражи,
но мне ли проститься с тобою!
Возле сердца поставлю на страже
радость мою и страдание.
Тайный сад заляну ворожбою,
обсажу его хмелем и соснами,
опояшу рекой голубою,
окружу луговинами росными,
а по самому дальнему кругу
охлаждаю морозами грозными
и завью над сугробами вьюгу.

О молодость, ты ли покинешь подругу!
Кто станет безудержней плакать от счастья,
кто будет от счастья, как я, молчалив!

О молодость, молодость!
В чьем сердце твои бескорыстные страсти
горят словно солнце, как в сердце моем?

Кто верен, как я, упительной власти
грехов беспорочных, не каюсь ни в чем?

О молодость, молодость!

Говорят, ты навеки уносишь с собою
и радость свою, и страдание.

Но мне ли расстаться с моею судьбою!
Возле сердца поставлю на страже
единственную любовь.

О молодость, молодость!

Для тебя насаждаю весну, для тебя же
будет сад мой дышать и цветами и травами.

Задержу я и солнце, и звезды, и зори,
что румянцем горят в ожидании дня...

Ты сама не захочешь путями лукавыми
разминуться со мною, уйти от меня.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я тебя увидала, когда таял снег,
снег таял, и ветер был теплым и нежным,
и сердце жадно тянулось к весне,
к весне, к просторам ее безбрежным.
Я смотрела с волнением на твои следы,
следы на белом снегу,
и знала, что с этой минуты тебя —
тебя забыть не смогу.

Я тебя увидала весенним днем,
днем свежим, хмельным, как цветы луговые.
Казалось, что ты мне до боли знаком,
знаком, хоть тебя увидала впервые.
Я смотрела с волнением на твои следы,
следы на белом снегу,
и знала, что с этой минуты тебя —
тебя забыть не смогу.

Я тебя увидала, когда таял лед,
лед таял, весна по дорогам бродила,

и день то светлел, то мрачнел от забот,
и сердцу то грустно, то весело было.
Я смотрела с волненьем на твои следы,
следы на белом снегу,
и знала, что с этой минуты тебя —
тебя забыть не смогу.

СТРАХ

О, не приближайся. Только издалёка
хочется любить мне свет очей твоих.
Счастье в ожиданье дивно и высоко,
если есть намеки, счастье только в них.

О, не приближайся. Есть очарованье
в сладостном томленье страха и мечты.
То, чего ты ищешь, лучше в ожиданье,
лучше то, что знаешь из предчувствий ты.

Нет, не приближайся. И зачем нам это?
Все лишь издалёка светит, как звезда,
все лишь издалёка радостью согрето,
нет, не сблизим лучше взоры никогда.

ТОМЛЕНИЕ

Снится мне — придешь ты:
потому что ночью светел сумрак зыбкий,
потому что утром все цветы лучатся,
потому что небо светится от счастья
и блестят, играют на воде улыбки,

потому что почки на ветвях согреты
и раскрылись листья в радостном смятенье,
потому что бредят о любви растенья
и в саду плодовом блещет снег расцвета,

потому что воздух замер в ожиданье
и оделась пышно для тебя природа.
Яблони, туманы, и цветы, и воды
в трепетном томленье ждут с тобой свиданья.

О, приди! Тебя я звать все жарче буду.
Все кругом тобою, лишь тобою бредит,
все тебя улыбкой несравненной встретит,
и мое томленье ты заметишь всюду.

СКОШЕННЫЙ ЛУГ

Луг опустел, задремав.
Плачут сверчки навзрыд
хором многоголосым.
Души усопших трав
вьются еще над покосом.
Знаете, как звучит
пенье таких панихид?
Плачут сверчки навзрыд...

Утром пришли великаны
в царство цветов и травы, —
каждый тяжел, неловок...
Мертвыми пали внезапно
тысячи пестрых головок.
Стройные стебли мертвы,
сложены в копны... Увы, —
кончилось царство травы.

Девушка здесь одна —
ласкова, золотоока,

нынче не раз она
луг обошла широкий.
Светлых улыбок мед
раненым пить дает
вместо багряного сока, —
ласкова, золотоока...

Завтра с рассветом опять
явятся великаны.
Будут грозные вилы
в колны траву сгребать,
каждый цветочек мклый...
Встанут стога мгномя.
Травы уже бездыханны...
Завтра придут великаны.

Плачут сверчки навзрыд,
плач долетает до звезд.
Что же теперь утолит
жгучее горе стрекоз?
Плачут, в гробах упокоив
рыцарей павших, героев.
Луг превратился в погост...
Плач долетает до звезд.

З М Е Я

Из-под сухого покоса
змея выползает,
а на лугу ни цветочка
не цветет;
несколько тучек на небе,
птичий полет.
Солнце сияет.

Чья на тропинке песня —
кто ее знает!
Чей это шум одинокий
путается средь трав?
Слушает, голову в воздух
чутко подняв.
Солнце сияет.

Здесь ее мать порешили
острой косою;

подкараулят и дочку
между кустов,
тут и сгинет оболочка,
блещущая росой
разных цветов.

Эта змея уже больше
солнце в себя не впитает,
и безвозвратно исчезнет
птиц этих лёт,
и никогда уже больше
этот цветок не взойдет.
Солнце сияет.

ЗИМНИМ ДНЕМ

Снег тихо до самого вечера падал,
как яблони цвет.

О, я улетела б с такою отрадой
сквозь дали пространства и лет,
куда-то меж снежными лепестками,
как легкий летит мотылек,
кого-то утешить такими словами,
какне другим невдомек.

И в сумерках снег так же медленно падал,
усталый, густой.

Мне встретить кого-то
такая отрада...

Ни тени в долине пустой!

И ночью весь мир, словно в белых тенетах,
снежинки ложатся у ног.

Как больно следить непрерывный полет их,
когда человек одинох.

МЫ НЕ ВИНОВАТЫ

Южный ветер теплым своим крылом
поля ласкал, пролетая,
в этот лучший из дней, что с тобой вдвоем,
с тобой вдвоем провела я.
Мы хотели сперва побродить часок,
но бродили целый день напролет,
пока не погас закат, —
это ветер тот,
южный ветер тот
во всем виноват.

Каждая капля, как поцелуй,
звучала, с ветки слетая.
На плетине смеялась сотнями струй
водопада волна крутая.
И только однажды подумала я,
что такая наша прогулка — грех,
и любимого вспомнила взгляд, —
это смех,

вод весенних смех
во всем виноват.

Молчаливый подснежник в кустах притих,
но все же, ниша прилежно,
для милой твоей отыскали мы их —
пять стебелечков нежных.

И когда загрустим, прощаясь, мы,
подарю ты мне собранный не для меня
ранний букетик свой, —
это прелесть дня,
весеннего дня, —
вот что всему виной.

НАША ТАЙНА

О тебе умолчу я в любых откровениях.
Не скажу — был знаком лишь
иль прочих родней;
и какой ты,
и в наших страстях и видениях
не осталось ли следа
от прожитых дней.

И о том — от тоски,
от беды ль,
по оплошности,
кто из нас бредил светом другого лица;
и о том — из-за нас ли самих
иль от пошлости,
нами встреченной,
наши болели сердца.

Утаю ото всех я, какая гармония
очи наши сливала
в создание одно;
и, когда так бывало, —
сияла, как молния,
наша радость
иль было то нам все равно.

Не скажу, жизнь сама
иль предвиденье гибели
наши руки сплели наподобье лозы;
что мы больше любили
и что ненавидели —
серебристый ли смех иль журчанье слезы.

Ни о том — почему наши души согласные
не слились на весь век,
как быть это могло.
И — могло ли так быть...
И отравы, лекарства ли —
то, что нынче настало,
тому, что ушло.

И о песне, тобой порожденной
и сладостной,
что, как вешний лесок,
тянет руки к лучу,
песне,
может, печальной,
а может быть, радостной,
говорящей без слов, —
и о ней промолчу...

Только с ней, с моей песней,
пойдем мы в молчании
в те края, где из пряжи одной сплетены
ночь и алые зори,
любовь и отчаянье,
человек
и его беспокойные сны.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Хотя вокруг земля цветет весною
и расцветают души все в надежде,
но, как и прежде,
предчувствие грозит во мгле,
что страшное все на земле
передо мною!

Никто мне не поможет, и воочью
никто ведь не увидит: в тишине
несчастье постучится вдруг ко мне,
не в дверь, не днем,
а где-то в сердце трепетном моем
и черной ночью.

РАССКАЗ О ПОЭТЕ

Не проста судьба моя чудесная:
собственного сердца я ловец.
Радовалось сердце или плакало,
его вздохи превращала в песню я
и теперь показываю всякому.
Собственного сердца я ловец.
Из кувшина радости и вымысла
пью сама, других пою людей.
О, без страха свое сердце вынесла
я на торг бурлящих площадей!

Собственного сердца я ловец.
Грел сердцем строчки стихотворные,
горести прогнать хотела черные,
убаюкать моченьки бессонные,
выбросить тоску, как травы сорные,
рассказав о ней, как я могу.
Грел сердцем строчки стихотворные,
я душе вернуть хотела вольную
радость — семицветную дугу.

Знаю: и за жизнью, там, везде,
встречу ль ночь или зари улыбки,
когда все мне станет все равно, —
будет жить желание одно:
всем, с кем смерть сведет меня — звезде,
тихоходной маленькой улитке,
ландышу, что встретится в лесу, —
подарить, отдать им столько сердца,
сколько я из жизни унесу.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Слушай, открою тебе я тайну.
Не оставляй меня без присмотра,
если кто-то играет.

Могут мне показаться
глубокими очень
чь-нибудь очи
совсем обычные.

Может мне показаться,
что меня затянули звуки
и, как из трясины, руки
я протянул любому.

Может мне показаться,
что нету большей отрады,
чем сразу, с первого взгляда,
влюбиться.

Можно в такое мгновенье
проговориться случайно,
выдать чудную тайну
о том, как тебя люблю я.

О, не бросай меня без присмотра,
если кто-то играет!
Вдруг мне представится чаша
и будто бы все мои слезы
текут из ручья лесного,
а то, что кто-то когда-то
где-то сказать мне не смеет,
черная бабочка чертит
крылом по вздувшимся волнам —
пишет снова и снова.

Будто бы трогает кто-то
горьким цветком мое сердце,
рану его растрavляет.
О, не бросай меня без присмотра,
не оставляй одну без присмотра,
если кто-то играет!

ЗЕЛЕНЫЙ ВИТЯЗЬ

Милый! Сегодня садом витязь прошел весенний —
сколько следов зеленых видим повсюду мы!
Запах весны душистый в чащах томит оленей,
тают на темных соснах гнезда седой зимы.

Эти кусты, качаясь, двигаются, как волны.
Свежей росой землю влажный омыл дромед.
Горных ручьев извивы словно зигзаги молний,
только еще в долинах реки, как змеи, спят.

Милый, приходи! Цветенья скрыто пока в бутоне,
под безмятежным небом ветер совсем притих...
Будешь дыханье далее пить из моих ладоней,
первых цветов улыбки встретишь в глазах моих.

Что еще осенью будет, — кто знает? Без вечных скитаний,
может быть, затоскует снова моя душа.
Если же завоеешь сердце весной ранней, —
вместе мы осень встретим, когда закружатся в тумане
желтые листья, шурша...

СЧАСТЬЕ

Я время по часам не отмечаю,
по ходу солнца не считаю срока,
заря встает — когда его встречаю,
и снова ночь, когда он вновь далеко.

И смех не мера счастья. Не хочу я
знать, чье сильнее и тягостней томленье.
Есть счастье в грусти: вместе с ним молчу я,
и слышно двух сердец одно бие.

И мне не жаль ветвей моих весенних,
что будут смыты жизни водопадом.
Пусть молодость уходит легкой тенью:
он, зачарованный, со мною рядом!

МОЛИТВА О ЛЮБВИ

Мгновенно и невозвратно, с легкостью лепестка
и эта любовь опадет с приходом зари.
Темные воды забвения жадно ее поглотят.
Боже, пусть чьи-то молитвы о счастье к тебе летят.
А я лишь о том молю — полони, запри
зыбкий вчерашний день в сердце моем.

Замкни мою душу. Замкни, как ларь золотой.
Силой своей преврати ее, господи, в храм любви.
Душа моя, боже, не просит себе ничего.
Все прежние радости ты от нее унеси.
Набожно ищет она одного, одного:
спаси этот день — беззащитный кораблик, —
от бури большой спаси.

Увянет мой день, господь, без твоей руки,
как маковый цвет во ржи, как маковый цвет во льне.

О господи! Не о блаженстве тебя я просить пришла.
Лишь боли моей не дай умереть, не дай пропасть.
Страшусь за святой огонь, что горит во мне.
Страшусь, что за эту ночь он сгорит дотла.
Страшусь, что за эту ночь разгорится в страсть.

В Е Ч Е Р

На горном склоне овцы мирно спят,
они спокойны, как воспоминанье,
а ели в золотистом одеянье
и облачные стяги их хранят.

Беззвучнее, чем вечер входит в дом,
в меня уже вошли покоя тени,
как книгу, руки бросаю на колени,
смотрю на дуг, завороченный сном.

О, если б мне воспоминаньем стать,
иль лугом, или тем нагорным стадом
и успокоиться, как тень за садом,
чтоб сердцу молодому не страдать.

Заснуть бы мне, как стаду на горах,
и стать спокойной, как воспоминанье,
пусть будет мирным елей колыханье
и небо в тонких стягах-облаках.

УСТАЛОСТЬ

Довольно жизни!

Мне знакома, как село родное,
как напев, похожий на стеланье,
эта жизнь! Из глаз ушло сиянье,
взгляд мой светит мертвою луною.

Мне боль знакома,
словно девушке скамейка, где, бывало,
с милым обнималась под березой.
Жизнь моя — полет листвы увялой,
да тоска бессонницы,
да слезы.

Любви не надо.

Знаю черные ее провалы,
боль, печаль и все, что было прежде.
Ни дождю, ни солнцу, ни надежде
я не верю... Я идти устала,
я устала улыбаться.

Довольно жизни.
Жизнь была с пустою миской схожа
пред голодным в нищем одеянье.
Пусть бесстрастно меч рассудит божий
помыслы мои, мои деянья.

ВЕСНА ВЬЕТ ГНЕЗДО

Вздох фиалки — ей под снегом стало тесно:
вьет гнездо весна в тепле сугроба,
мир деревьев оживает понемногу,
подняв личико свое жучок древесный.

Вьет гнездо весна меж облачных затонов,
сделались голубки нежно говорливы.
В небе алом, как бывает ветка ивы,
солнце набирает перья, как орленок.

Вьет гнездо весна в моих ладонях,
голову кружит мне ток весенний,
словно винная струя густая.
В сердце та же песня нарастает,
что и в соках молодых растений.

К нам в жилье в один и те же сроки
прилетит любовь, ко мне и к птицам.
Так же бурно кровь моя струится,
как весенние потоки.

СТИХИ ОДИНОЧЕСТВА

Я знаю, душа моя в эти края
забрела, как заходят в порт пароходы;
я знаю, я здесь никому не родня,
и надо бы жить мне в иные годы.

Я знаю, я — птичий лишь голосок,
еле слышный из дальней лазури;
я знаю, что ломкий я колосок,
пригнутый ветрами бури;

что весть, несомая мной, не нова,
что истин великих мне миру не выставить,
что все строчки мои, все слова —
только печальная исповедь.

Но никто так не понял на этой земле
бесконечности мира и бескорыстья,
и так не бродил при луне, во мгле,
и столько не слушал опавшие листья.

И никем еще не были так любимы
зверье и широкая сень крыла.

И никто так не верил неколебимо
в законы добра. Только я была

жителем рош, муравьиным другом;
дружила с ветрами, дружу и теперь,
знала, что шепчет трава над лугом,
что чувствует в кустах затаившийся зверь.

О, знаю, я прославлюсь едва ли,
я буду новым днём далека.

Но небеса меня лично знали,
знали букашки и облака.

И ласточки детям расскажут: певала,
себя не оставив самой себе,
и в сумраке я о весне мечтала
на одинокой своей тропе.

И реки мой образ в моря чудесно
разнесут, до капли его сохраня.
И птицы все будут петь мою песню
тогда, когда не станет меня...

УРОК ГЕОГРАФИИ

Стояли тогда мы — тридцать ребят
на Висе Близоньском, на самой вершине.
Долины окрестные спали.
Отец описал руками большими
круг — от Медведника к самой Авале.

Пред нами предстали луга и леса,
Савы серебряная полоса,
большого притока отросток.
Синие горы одна за другой
труслили чредой —
верблюды гигантского роста.

Он Срем осмотрел
и внимательный взгляд
сквозь горы в боснийские дали вперяет.
Казалось, что руки его говорят.
Глаза говорят.
Заветные мысли лицо выражает.

Как миска, сняло сняние вод,
лес в горы карабкался, сёла

вели вокруг нас хоровод,
свое многоцветное коло ¹.

Чуть летнее утро, все вижу я иновъ;
донныне урок географии длится,
все длится урок, и не скоро конец, —
вершинна, и солнце, и детские лица,
и, залитый солнцем, как факел, — отец.

А гор караван голубой-голубой
проходит все той же неспешной чредой,
и солнце округу опять озаряет,
и дальняя речка на солнце сияет.

— — — —
¹ Южнославянский хоровод (сербскохорватск.).

С Л Е Д

Бурного ветра порыв
вдруг разбросал прошлогодние листья,
снег умирающий растопив...

И след обнажился отчетливый, ясный
того, кто желал лишь прямо идти, —
ради безумств, вдохновенных и страстных,
он не свернул бы с прямого пути,
он не оглядывался на зов,
он со скитальцами не был дружен,
не слушал птиц, не срывал цветов...

Ветер, вернись,
и мертвыми листьями в сером тумане
вновь этот след замети,
это воспоминанье...

В Е Щ И

Вещи долговечнее, чем люди,
и без нас живут они прекрасно;
наши все страдания им известны,
но они, как боги, безучастны.

Равнодушно следуют за нами
вещи, с нами связанные крепко.
Внуку улыбается беспечно
чаша, из которой пили предки.

Серые, из шерсти, рукавицы
мать сама вязала и носила.
Дочь глядит на них в раздумье горьком:
руки те давно взяла могла.

Тех, что с нами за столом сидели,
нет уже на свете наших близких, —
мы же, в горе, в радости, в печали,
продолжаем есть из той же миски.

Мы рождаемся и умираем,
мы уходим, чтоб не возвратиться,
оставляя в холоде предметов
жизни нашей теплые частицы.

ПАССАЖИР ТРЕТЬЕГО КЛАССА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ КРЕСТЬЯНКИ

Спи, сынок, до зорьки недалеко.
Надо мне управиться до срока.
Век бы я над зыбкою сидела,
но ведь веток наломать мне надо,
скоро солнышко взойдет высоко,
до рассвета не приделать дела...
Спи, сыночек, спи, моя отрада.

Спи, сыночек, спи, моя отрада.
В роще веток наломать мне надо,
развести огонь, месить лепешки,
перемыть хорчаги, миски, плошки...
Зорька разгорается в окошке,
всходит солнце за оградой сада.

Спи, сыночек, спи, моя отрада.
Спи-усни, мой мальчик яснолицый.
Уж мычат в подклети два теленка,
будто плачут жалобно и тонко,
ждут, чтоб я им принесла водицы,
напокла их и накормила...
Спи, мой ясноглазый, спи, мой милый!

Спи, сынок. С тобой бы я сидела
целый день с восхода до заката,
но заждутся на лугах ягнята,
надо к ночи их загнать в закуты,
под вечер донть овечек надо,
посидеть спокойно нет минуты...
Спи, сыночек, спи, моя отрада.

МОИ ЗЕМЛЯКИ

Срубят лес молодой горемыки
и везут дрова на продажу:
то дубок, что не поднялся даже,
то березку в гуще земляники
или бук с корой в молочном соке.

День-деньской, не разгибаясь, рубят,
лишь когда простится солнце с небом,
а священник на вечерню выйдет —
достают они котомки с хлебом.

Завтра утром из родной деревни
мимо голых родных косогоров
повезут дрова они в город,
где прохлада чужих деревьев.

Продадут родную прохладу —
голая гора с тоскою глянет.
Купят свечи и немного соли —
больше ни на что не достанет.

ПАССАЖИР ТРЕТЬЕГО КЛАССА

Люблю путешествовать в третьем классе
парохода, поезда и трамвая.
Там люди приветствуют друг друга,
когда входят и когда выходят,
и подают соседу руку.

Чистый с грязным, трезвый с пьяным
без чинов предаются беседам.
Там сообщают соседи соседям,
кто мы, куда и откуда едем
и кто кому доводится кумом и дедом.

Женщины, на мать мою похожие,
салятся со мною в третьем классе.
У них большие грубые руки.
Они рассказывают охотно
про свои заботы и муки.

Если по три человека на место —
все равно местечко найдется.
Если пальто у меня промокло —
краснеть и стесняться не придется.

Там никто не станет дивиться,
что, мол, рассуждает с благородством,
а рукава у нее в заплатках.
Никто не посмотрит с превосходством
на прохудившиеся ботинки.

Там все одеваются, как могут, —
старикн, горемыки, бедолаги.
И даже кожух, надетый весною,
не смешит и не ужасает,
не вызовет шуток надо мною.

Там вино, чеснок, ракия¹
бесцеремонно благоухают.
Там даже на ногу вам наступят,
но зато и место уступят.
Но зато пассажиры такие
смотреть не будут
сверхчеловечески на человека.
Уважают чужую бедность
и чужие раны.

Если кто расхохочется басом,
его не сочтут невежей и хамом, —

¹ Р а к и я — сливовая водка (сербскохорватск.).

разве родственно усмехнутся.
Как перед Страшным судом, пассажиры
равны перед третьим классом.

СТИХИ О ПОКИНУТОМ РЕБЕНКЕ

Сына бросила на дороге.
Иссохшую грудь напрасно
ручонки его искали
и теребили властно.
Этот ротик открытый,
что от крика синее,
тонкие эти ножки,
что ходить еще не умеют,
и сердце, что уже любит,
оставила я на дороге.

Дождалась, пока опустеют
скамьи все и дорожки,
и на мерзлый дерн положила
новорожденного сына.
В драной моей жакетке,
без пеленок и без одежды,
он в сумрак холодный брошен,
как в воду слепой кутенок.

Добрая женщина! Первая,
проходящая мимо,
возьми моего ребенка!

Все улыбки его я дарю тебе,
самые милые, первые годы сына.

Я дарю тебе сладкие
часы у детской кровати
и первых шагов его ликование...
Для тебя своею рукою
я отламываю от сердца
все надежды, все упования.

Добрая женщина! Слушай,
возьми моего сына!
Прижавшись к забору,
как нищие жмутся робко,
когда-нибудь издалека,
на дитя свое взгляд я кину.
Погляжу, как идет он из школы,
как машет тебе рукою.

Прижавшись к забору,
как нищие жмутся робко,
полными слез глазами
буду глядеть виновато,
как твой мальчик шагает тропкой —
единственное, что в жизни
звала я своим когда-то.

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

Сады источают дух сливы сладчайший,
недавно вино забродило в подвале,
пал желтенький листик в зеленую чашу
пруда. Значит, летние дни миновали.

Священник молитву читает,
но пчелы жужжат слышнее
и стук молотилки сильнее
и голос его — заглушают.

Волы мычат слышнее,
а кто-то ладит повозку
для похорон. Под нею,
согнувшись, колотит жестко.

Из дуба, что рос над домом,
доски для гроба тесали.
В гости приехал сегодня
те, что на свадьбе плясали.

Солнце начинает садиться.
В землю засветло надо ложиться,
и в дорогу выходит покойник.

оставляя амбар за спиною
и тропу, что своими ногами
протоптал он к водопою.

Проехал он мимо плуга
и руками к нему не рванулся,
мимо сада проехал и луга
и ни разу не улыбнулся.

Без улыбки идет по злату,
по тому, что роняют ветки.
Молча топчет листья-дукаты,
попирает их без привета.

Воле еле двигают ноги, —
как будто из дальней дороги,
а процессия, в тихой тоске,
говорит о ценах на сливу и на пшеницу,
а также о божьей,
о небесном большом мужике.

ОТВЕТ СОВРЕМЕННОМУ

Все реже о любви пишу стихи я.
Все реже голоса слышны в них молодые.
Да, у моих стихов теперь иные темы,
и заняты они вещами теми,
которые на первый взгляд
поэзии немного сулят.

Но почему ты этим удивлен?
Осенних песен и весенних песен
напев
 совсем по-разному чудесен,
и дрозд поет не так, как соловей,
а старый дрозд — не так, как молодой.

Когда слагаю песни о деревне,
стоят крестьяне за любим стихом.
Любой рассвет, изображенный мной,
по-сельски пахнет молоком и сеном.
Я детство провела среди крестьян,
и мне естественно писать о них.

Я потому о них стихи писала,
что радовалась с ними и страдала.
Не по велению политика,

не по указке сельского попа —
по женской, по исконной и по древней
моей безмерной нежности к деревне,
ко всем, кто угнетен и оскорблен.

Я жать умею и копать умею,
поэтому и право я имею
петь о крестьянах так, как я пою.
Меня крестьяне сызмала учили
и до ботаники мне объяснили
луга, поля и землю всю мою.

Я не стыжусь, когда мои стихи
читают старики и батраки,
когда их дети в сельской школе слышат.
Для избранных пускай другие пишут,
а мне мои читатели близки.

ПРОВИНЦИАЛЫ

Ни зверинцев,
ни садов ботанических не посещали;
в двадцать лет не видали ни разу мимозы,
попугая, борзой,
и, конечно же, пальмы, и крокодила;
бродили по нашему детству
только овцы и козы,
даже с простой белой лняней
очень трудно увилеться было.

Мы в музее ни разу не были
от рождения до призыва,
ни одной картины не видели —
лишь святого Саввы иконы;
но что такое скульптура,
мы представляли живо,
потому что головы Вука¹
украшали наши школы.

— — — — —
¹ Вук Стефанович Караджич
(1787—1864) — крупнейший деятель нацио-
нального возрождения Сербия, реформатор
литературного языка и правописания, соби-
ратель фольклора.

И в столице своей
мы ни разу до юности не были
и, конечно, не видели
абиссинского негуса;
но зато
мировых городов
ощущали себя горожанами,
знали все,
что с заморскими связано странами, —
их политику, книги, язык.
Мы заброшены и неведомы были,
но зато с мировыми умами делили
и восторг, и заботы их книг.

Для великих движений
поставляли мы лучшее войско,
хоть ни разу не выходили
за околицу родного села.
И полеты высотные мы в мечтах превосходили —
вот какой наша юность была.
И не следует удивляться,
что некоторое диво,
некоторое изобретение или переворот
не дивили провинциалов,
и мы смотрели строптиво,
что там жизнь предлагает и что берет.

Ф И Л И Н

Филин, как сумасшедший пророк,
гукает в бездне ночи.
Может быть, мне предвещает срок
голос его пророчий.
Может быть, нынче во тьме ослеп
или разбился в полночь.
Может, хочет услышать ответ
или зовет на помощь.

Без передышки зовет в ночи,
кличет меня тот голос.
Страшно, и все же должна пойти,
хоть и дрожу, как колос.

Надо пройти по лесному мосту,
чтобы узнать, что творится,
чтобы узнать, почему в темноту
кличет страшная птица.
И почему в ночной тишине
воплъ его так бессклен.
Надо идти, чего бы мне
ни навлекал слепой филин.

КРОВАВАЯ СКАЗКА

ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Уж сколько есть звезд на небе —
будь все они мои очи,
на него мне не наглядеться.

Уж сколько в лесу есть веток,
будь все они мои руки,
мне с ним не наобниматься.

Уж сколько ручьев на свете,
будь все они мое горло,
мне песнями не напеться.

Уж сколько есть птиц на свете,
будь все те птицы — девицы,
ему бы их было мало.

Уж сколько есть скал на свете
и мне б они грудь давили,
все б не было так тяжело.

ЧЕЛОВЕК

Птицу малую я знала в детстве.
Сердце было у нее с орешек.
Лес родной, гнездо лесное
люди у нее отняли,
и она на третье утро
умерла с печали.

Вспоминаю старую собаку
с грустными глазами.
Околеть от лютого страданья
силы у нее достало
вслед за тем, когда руки любимой,
что кормила, била и ласкала,
на земле не стало.

А вот я пережила, однако,
смерть людей любимых
и друзей немало потеряла
в океанах мрака.

Клевета, предательство, разлука, —
я пережила все это
и живу, и хочется мне снова
солнечного света.

ЗВЕЗДЫ

Трудно тебе, я знаю,
погибель на каждом шагу,
а я, как отшельница праздная,
оторваться от звезд не могу.

Небесные арки ночью,
мерцанье любой звезды
мне дороги, как хлебопашцу
урожаев осенних плоды.

Меня исцеляют звезды,
как липовый терпкий мед,
и влекут сильнее, чем странника
домашний очаг влечет.

Всю ночь забытья прохладу
и яла за глотком глоток,
и на дне источника темного
звездный блесклет песок.

А утром открылась взору
вешней земли краса...
Меня укрепят, я знаю,
звезды и небеса.

Ж Е Н Щ И Н А

Сердце мое — источник любви.
Слово мое, как целебные травы,
нежно врачует горящую рану.
Если во тьме не находишь дороги,
я провожатою стану.

Сердце мое тяготеет к несчастным,
к тем, кто дошел до желания смерти,
испепеленный жестокой тоскою.
Вы мне взгляните в лицо и поверьте, —
редко была я беспечной подругой,
чаще была терпеливой сестрою.

Я не умею любить без печали.
Я рождена, чтобы нежно баюкать
и усыплять чужие страдания
и над чужими тревожными снами
глаз не смыкать, затравив дыханье.

Я не умею любить без печали, —
сердцем прильнуть к счастливому сердцу
иль протянуть доверчиво руки
тем, кто рассвет безмятежно встречает,
тем, кто не знает бессонной муки.

Я рождена, чтобы жить для другого.
В сердце моем лишь любовь и участие,
прикосновеньем ладоней врачую,
взглядом дарю тепло, а губами
боль превращаю в улыбку счастья.

ПОЭТ И ОТЧИЗНА

Когда я на горной вершине стою
и вижу сплетенье скалистых хребтов,
лабиринт зеленых оврагов,
быстрых рек серебристые воды,
и заповедный сумрак дубрав,
и шелковистое море трав,
и стайки домов, что надели красные шапки
и вокруг кудрявых садов ведут хороводы;

когда я слушаю утренний лес,
голос птицы, потерявшей рассудок от счастья,
и мальчишеский крик ручья,
и шепот листвы, согретый дыханием лета,
слушаю юный, распахнутый настежь,
трепетный мир
в колыбелке тени и света, —

я начинаю себя понимать.
В этой книге, на этих страницах,
записано то, во что мне верить,

что мне делать, о чем мечтать,
чему новой песней излиться.
Здесь, на ладони родной земли,
предначертано все заранее —
моя любовь и думы мои,
беды мои и страдания.

Издревле распевали песни мои
маленькие боги родного края.
Все стихи мои наизусть
знают бесчисленные духи, веселый лесной народ.
Во всем, что я делала, о чем писала,
душа моей отчизны живет.

НОЧЬ В РОДНОМ КРАЮ

Ночь, полная звуков мирных,
как голос сверчка за печкой,
травы шелестенье,
груш паденье,
и вдруг из тьмы придорожной —
как будто солдат движенье,
как будто треск осечки.

Бурлит кипящий воздух,
у окон люди встали.
Стучат сердца детишек,
детишки твердо знают:
на чей-то след напали,
когда ружье стреляет.

Чужой, да нет, наверное,
отец здесь где-то рядом —
пришел коня огладить,
детей окинуть взглядом.

Снова все стихает,
только груши и звезды
падают с тихим стуком.
Опять сверчок запевает,
и, внемля мирным звукам,
дети на подушки
головы опускают.

КРОВАВАЯ СКАЗКА

Это случилось в одном государстве
балканском —
в горном, крестьянском.
Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят —
целым классом пали они в одночасье
смертью героев.

Все они были ровесники,
все — одноклассники.
Вместе учились и вместе играли,
хором стихи наизусть повторяли.
Вместе ходили к врачам на прививки.
Все у них общее было:
уроки, болезни, привычки.
Вместе они и погибли.

Это случилось в одном государстве
балканском —
в горном, крестьянском.

Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят —
целым классом пали они в одночасье
смертью героев.

Ровно за сорок минут до их смертного часа
вот что умы занимало
этого класса:

«Грядки. Их шесть на моем огороде.

Десять арбузов на каждой».

И прочее в этом же роде.

Мысли мальчишек касались домашних заданий,
по выполнению которых

качество ими усвоенных знаний

будет измерено грудой никчемных пятерок.

Детям казалось,

что долго бродить им по белому свету.

Долго решать им задачи —

сначала вот эту —

кто помешает?

Все, что им задаю,

перерешают.

Это случилось в одном государстве

балканском —

в горном, крестьянском.

Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят —

целым классом пали они в одночасье
смертью героев.

За руки взявшись,

пошли они на смерть рыдами.

Самые слабые дети и те не рыдали.

После уроков,
сложив аккуратно тетрадки,
шли на расстрел они поступью твердой
в полном порядке,
прямо и гордо.
За руки взявшись,
прямо под пули
эти ребята навстречу бессмертью шагнули.

БОЛЬНО ЗА ЧЕЛОВЕКА

Ни предки, ни пахари отчего края
никогда предателями не бывали.
На зов отчизны спешили,
за правду стояли от века...
Великим их жертвам
я цену великую знаю.
Но больно мне,
больно за человека!

Мне больно за человека!
Но если во имя свободы
потребует родина новые жизни отдать ей,
за правду вступиться ценою любой, —
будьте спокойны —
я с поля боя
не позову моих кровных братьев!

Если угроза рабства
над нами нависнет снова,
если грудью своею защищать отчизну придется,
никому не скажу:
«Брось оружие, погибнешь иначе!»

Только не удивляйтесь,
если горько заплачу,
как все жены и матери шара земного.
Тяжко видеть, как свежие ветки ломают,
выгоняют зверя из логова,
ловят и травят,
как в отчаянье птица над гнездом разоренным
кружится...

Как же можно смириться,
если, пулей сражен, человеческий сын умирает?

Радуюсь стаду, которое мирно пасется,
ветрам, которые дуют, куда им угодно,
радуюсь травам шуршащим,
птицам, парящим вольно...
Мне ль не оправдывать жертвы
во имя спасенья свободы!
Но все-таки больно мне,
за человека больно!

СЕРБИЯ — ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Сербия — великая тайна:
день не знает, что ночь отковала,
а ночь — что на заре родится,
кусты не знают мечты друг друга,
не знает птица, что творится
в ее округе.

Не знает ящерица, кто там
ползет под камнем вслед за ней.
Не знает поле кукурузы,
что спеет на соседнем поле.
Все загрузили тайны грузы,
ни листика, чтобы на воле.

Никто не знает, что тантся
в росе, сияющей невинно.
Перекликаются крестьяне, —
что означают эти клики?
Быть может, заговор великий.

Нет в этом государстве сил
узнать, что девушка носила
в груди нетронутой доселе;

какую тягостную тайну
сжимает в кулачке ребенок;
к которой ковыляет цели
любая дряхлая старуха.

Здесь, в Сербии, ручьи и ветры,
церковные колокола и птицы
и запахи

приносят тайну.

Бывало, повернешь случайно
в лесу и — вот она, таится
уже за первым поворотом.

У нас в стране враги не смеют
поверить заячьему следу,
копыт воловьих отпечатку.
Быть может, знаки подаются
и перестуком дровосека,
и наковальнями куются,
и колыбельными поются.

ХЛЕБ МЕСЯТ

Солнце спало, и птицы спали,
спрятав клювы в теплые крылья.
Женщины раньше солнца встали,
двери пекарни они открыли.

Они забыли о скорби вчерашней,
о всей суете желаний мелких.
Словно пахарь, когда он на пашне,
словно мельник, когда он — мельник.

Муку просеивают снова и снова.
Волосы словно в белых цветочках.
Работают,
не говоря ни слова,
думая о сыновьях, о дочках.

В море хлебного запаха канув,
они смеются пьяно, счастливо,
словно не тесто мнут руками,
а мнут руками цветущую ниву.

Солнце спит, и птицы не слышат
женщин, тех, что пришли на работу.

Хлебный запах из печи пышет —
это пекарня раскрыла ворота.

Руки на хлебе горячем грея,
женщина думает: «Пусть настанет,
пусть придет благодатное время,
когда всем людям хлеба достанет!

А враг пусть подавится нашим хлебом!
Пусть в горле вражьем
он станет комом!»
Женщина смотрит с порога на небо,
внемя птичьим напевам знакомым.

ДЕТСКАЯ КОСИЧКА В ОСВЕНЦИМЕ

Осень сменяет лето, пятый раз сменяет,
а тонкая, словно ящерка, девочкина косичка
лежит в Освенцимском музее — живет и не умирает.

Мамини пальцы сгорели, но все-таки ясно видно,
как девочку в путь-дорогу пальцы те собирают,
то они цепенеют, то беспомощно виснут
и черную ленту предчувствий в тонкую косу
вплетают.

Туго косичка закручена, не расплетется до нечера.
Слезные змейки стелются — мама горько плачет.
Девочка улыбается ласково и доверчиво,
девочка не понимает, что эти слезы значат.

Вот палачи ледяные — банды их ясно вижу —
косят людские волосы, мечут в стога большие.
Легкие детские локоны ветер унесит выше,
в грузные копны сложены женские косы густые.

Словно шерсть настриженную, словно руно овечье,
в кучи их кто-то сваливает и приминает ногами.
Вижу — пылают яростью большие глаза человечьи,
вижу старух испуганных рядом со стариками.

То, что словами не выскажешь, тоже вижу ясно:
пламя пышет из топки и палачей озаряет,
длинные их лопаты — от детской крови красные,
стылые детские трупы в топку они швыряют.
Вижу седины бедные — все в серебристом инее,
и рядом — как ящерка — тонкую девочкину косичку,
вижу глазенки детские — большие, синие-синие.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

ВЕСНА, А Я УВЯДАЮ

Трав пожаром зеленым
пышут дальние дали,
а я увядаю.

Солнце над небосклоном
примулы увидали,
а я увядаю.

Небо в цветочной пене,
сад над земными садами,
а я увядаю.

Птичка работает клювом,
гнездышко создавая,
а я увядаю.

Руки твои как бутоны,
девушка молодая,
а я увядаю.

Жизнь, что ни миг, то иная,
нового ожидая,
я и увядаю.

СЕНО

Руки мои — словно весь день я сухую траву ворошила,
словно всю ночь на душном спала сеновале, —
руки мои ароматны, словно стебли бессмертника их
обвивали,
словно клевер в лугах от зари до зари я косила.

Пахнут косы мои, словно в них я цветы полевые
вплетала,
словно папоротник обнимал-целовал мои косы,
словно в моих волосах — колосья сухие, как на Ивана
Купалу,
словно знойным дыханьем июля опалили меня сенокосы.

Воспоминанья мои пахнут сеном, на солнце провятым,
спелой сладостью трав и тихой вечернею далью.
Воспоминанья мои пахнут смутной полевой печалью,
и лугами альпийскими, и солнечным горным летом.

НЕ БОЙСЯ

Не бойся — это словно листок упадет под ветку,
это словно ночью умолкнет последний шум,
это словно с горы увидишь ту сторону света,
это словно за мыслью уходит блаженный ум.

Не бойся — это словно вдруг утихнет море
и до горизонта блеском покроется глубина.
Не бойся, будет легко, легко, как дождем промоет,
легко, как перед солнцем истаяет луна.

Не бойся — это словно тонешь в легком тумане,
темнеют ручьи, тропинки, весь мир, весь небесный
свод.

Держись за мою руку, она тебя не обманет,
она — последние узы, пока не отвалит плот.

Не бойся, будет блаженно, словно в летнем уборе
белую легкую пряжу сбрасывают тополя.

Будет как переход от боли к иной боли,
и отразится в озерах опечаленная земля.

Не бойся, это так быстро, словно капкан негромко
захлопнется и закружится вокруг нас простор бытия.
Держись за мою руку — она былинка, соломка,
непрочный мосток через речку из сказки про муравьи.

Когда-то, еще ребенком, ты переходила по слеге
через овраг, не глядя в страшную черноту,
держишь за мою руку и тихо за мной следуешь,
и я тебя через это медленно переведу.

НИСПРОВЕРГНУТЫЙ БОГ

Я девочкой стояла за Перу́на,
за то, что ниспровергнутый он бог,
и уповала, что в весенних громах
он только мне является одной.

Но вслед за тем заметила я раны
того, кем был Перун оттерт за облака:
ран было множество, и столько крови
текло из них, с такою болью
он на меня глядел, прося помочь,
что и его ввела в свои покои,
где со страдальцами беседую во сне.

В Е Р Ю

Верю в любовь весны и ее потоки,
верю в прекрасность неба,
верю в душу радуги, рассвета и заката,
верю в антенны моих сновидений,
верю в предчувствия, пророчества, страхи,
верю в тихие полузвuky,
верю в страдания, которые зорями лечат,
верю в сердца, ранимые всем на свете,
верю в память о сказочном детстве,
верю в радость прощания,
верю в незлобие змей, и зверей, и людей,
верю в невинность первых грехов,
верю в часы, что идут в сердцеvine земли,
верю в духа, что живет в улыбке,
верю в пробуждающуюся вселенную сердец,
верю в невозвратность и расставания у воды,
верю в реку забвения и ее бесконечность.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Южный ветер, приплывший на солнечной яхте,
в нашу комнату вторгся.
Через все дымоходы, сквозь толщу бетона
он прорвался, обдул мои шрамы и раны,
сдвинул доски и плиты тяжелые — с тонну!
Утащил занавески, подбирается к плахте,
к покрывалу.

Я боюсь! Я не знала,
что во мне потихоньку дремало,
что за бабочки вдруг из куколок выйдут?
Сколько комнат потайных я долго скрывала, —
буря рамы в тех комнатах с петель сорвала.
Разве думать могла я,
что заборы и стены
не сдержат
облако ароматов,
а внезапное море сиянья
сметет все преграды!

С ЧЕГО ТЫ МНЕ СНОВА
НАПОМНИЛО, НЕБО...

С чего ты мне снова напоминало, небо,
о тех позабытых давно первоцветах
в лесу, где дымилась весна?

С чего ты мне снова напоминало, небо,
что я твоего была света и права,
что я, как земля, хорошела от солнца,
что некогда, перед единственным взглядом,
как будто бы утром, весной, над рекою
стояла взволнованно я?

С чего ты глядишь на меня, почему не опустишь
ресницы?

ЛЕД ТВОЕ СЕРДЦЕ БЫСТРО СКОВЫВАЕТ

На северном полюсе твоего сердца льдистые
стынут десять певцов-дроздов — монах вестников;
на северном полюсе твоего сердца мглистые
бродят весны мои, за тобой увязавшиеся.

На северном полюсе твоего сердца вымерзли
крыжовники монах снов;
в стан горяиц из чистого льда превращаются
славословья мои тебе.

Лед твое сердце быстро сковывает,
льдины плывут до экваториальных широт;
только в полночь и слышатся крики простуженные
птиц, что слетают с монах плеч.

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Грусть охватила юные реки,
никак с берегами они не расстанутся,
трепет сплетает птицу с осиной,
запах соединяется с запахом,
чувствует ветер себя сиротинкой;
жаворонок, до безумья влюбленный,
падает в каньон раскаленный;
когда рыбы хрусталь целуют льдистый
и солнце пронизывает их хрупкие сердца —
это значит, что должен поэт родиться.
У горы, у которой не бывает молока,
вдруг набухают груди,
она, как младенцев, понт облака,
и месяц становится безрассуден,
увидав, что она молоком облита;
на тропы выходят голенькие сосуны
и плачут и смеются, как люди,
а девушкам снятся странные сны, —
это бывает, когда должен поэт родиться.

БЕСПОКОЯНЫЙ ДЕНЬ

Солнце еще перед мартом
пристрастилось к картам,
а это бывает, когда должен поэт родиться.
С голубой высоты небесного нефа
бросает на луг
без картежных правил
маковый дождь червонных десятков,
и зеленые листья трефа,
и двуглавых королей и дам,
и валета,
и мотыльков, предвестников лета, —
и это явный уже перебор,
и от обилья картежного цвета
нечет облако-партнер.

Оно где-то над караваном гор
стояло на далекой меже,
и вдруг как взмахнет одной-
единственной козырной
пятеркой бубновой, —

а это бывает, когда должен поэт родиться, —
и унесло всю солнечную колоду
красных и черных мастей.

СКРИПКИ ЧАЙКОВСКОГО

Плач журавля, превратившийся в стройное пенье,
стои безутешный, что в душу внезапно проник...
Только откуда такое примчалось смятенье?
Может быть, это к нам ветер приносит осенний
чью-то тоску, чьей-то боли отчаянный крик?

Да, это голос, давно отзвучавший, далекий,
вдруг воскресает в рыданье смычков предо мной,
словно опять зазвучали былые упреки,
в мраке ночном поднимаясь тяжелой волной.

Думала я, что давно разгадала загадки
и не смутит меня теплая виолончель, —
нет, я ошиблась: такой же тревожный и сладкий
в сердце врывается снов неразгаданный хмель.

Помню, ночами я птиц понимала наречье,
крики их были мне ближе, чем чувства людей...
Или опять он, покоя нигде не нашедший,
ночь заполняет бессонницей скорбной своей?

Все на земле неизбежно смирится однажды,
поле сражений травой зарастет в тишине,
сном лучезарным забудется мученик каждый,
только один он, томящийся вечною жадой,
криками птиц прорывается ночью ко мне.

ОТКЛИКНУЛИСЬ ТОЛЬКО ПТИЦЫ

В полный голос на помощь звала я.
Только птицам откликнулись мне
и слетелись с вершин и высот.

Может быть, им послышалось: горлица
загрустила о чем-то с весной,
может статься, на жалобу ласточки,
может быть, на воление зяблика,
показалось им, крик мой похож.
Может, добрые птахи подумали —
птицу певчую ястреб когтит.

Только птицы на зов мой откликнулись
и на грудь мне слетелись испуганно,
как в гнездо, что пылает в огне.
Может, сердце мое они приняли
за птенца, что пожаром объят?

КУЗНЕЧИКИ

Бронзовые гамачки выплели кузнечики
и в них укачали
лунный свет и море.

И сама я своим голосом
укачала слышу
с ледяной душой.

А когда она проснулась,
своим ревом разметала
колыбели, где качалась,
и все звуки заглушила
на просторе, шире моря,
и со зла сломала дудочку серебряную
моего полевого голоса.

ПОГОНЯ

Бегу как снежным лесом, как от волка...
Она же, как и все, чьи руки долги,
пока что прилегла и задремала,
не опасаясь, видимо, нисколько,
что я могу за поворотом скрыться,
в лесу среди деревьев затеряться.

Она мне беззаботно позволяет
поставить парус и уплыть за реки
и с круч прибрежных взглядом провожает, —
ни дать ни взять как страж вооруженный,
что с жалостью на пленника взирает.

Весной, когда боярышник цветущий
рождает облака благоуханья,
она и мне позволит вместе с лесом
блеснуть одним-другим цветочком белым
и — стоит лишь подать дроздам свой голос —
к ним позволяет присоединиться.

Преследует меня неторопливо,
как все, уверенные в своем успехе:
мол, и сама сойду с дороги ложной,
и, зная, что живу на белом хлебе¹,
мне ночью оставляет у дороги
все то, что так любима я когда-то,
чего, как прежде, жажду и сейчас.

¹ По старинным обычаям, приговоренному к казни перед исполнением приговора давали белый хлеб и вино.

ОПАСНАЯ ИГРА

Помнишь ли: ножи сверкали острые
и втыкались в стену деревянную
вкруг живой мишени на ярмарке,
а мишень не трусила ничуть,
ибо верила, что ни единое
острие не смеет поразить ее!

Помнишь ли: рука с ножами
дрогнула
и в живую грудь нож острый вклинился
так, что в стену воткнутые ножки
дрогнули от страха и волнения.

Помнишь ли: и мы с тобой затеяли
эти игры с лезвиями острыми;
у стены стояла я спокойная,
ибо верила, что ни единое
лезвие не смеет поразить меня!

Помнишь: не твое ли сердце
дрогнуло
оттого, что я была спокойная,
и в живую грудь нож острый вклинился
так, что в стену воткнутые ножики
дрогнули от страха и волнения.

ТРЕБУЮ ПОМИЛОВАНИЯ

Спор поэта
с Законником царя Душана

ВОЗЗВАНИЕ

Божьей милостью
с благословенья святителей Расских ¹,
я, Душан, ваш царь,
сербы, албанцы и греки,
даю своим землям, наследию отцов
и мечом завоеванным,
связанным пролитой кровью воинов царского
войска,
единый закон,
и да не будет другого закона вовеки.

Детоубийца, прелюбодей, супостат,
тот, кого дьявол попутал,
бабун, богомил ², еретик,
тот, что робеет правду сказать на суде,
кто оскверняет наши святые иконы,
да будет наказан сурово, согласно законам моим,
но не суровей, чем требуют эти законы.

¹ Р а с с к и — главный город Рашки, средневекового сербского государства, достигшего расцвета в XIII—XIV вв.

² Б а б у н, б о г о м и л — участники антифеодального крестьянского движения, проважавшего форму религиозной ереси.

По обычаю наших отцов
знатных людей от простых отделяю.
Благородный и первосвященник
да будут мягче судимы, чем землепашец простой,
не из страха, однако, перед властью моей
и не мягче,
чем повелевает закон.
Пусть закон мой, как щит,
от злодея тебя защитит,
сирота беззащитная, пряха.
Пусть ни праведник раб,
ни чужак,
что пройти моим царством спешит,
перед этим законом
не ведает страха.
Только тот, кто виновен,
сурово должен быть осужден,
но не суровей,
чем повелевает закон.

О БЕДНОЙ ПРЯХЕ

В пределах царства моего
пусть не обидит никого
и да не будет никогда
насилия никакого
и даже пряхе-сироте —
свобода и почет.

Истопчет ли чужой табун
господский луг
иль царский хлеб,
его загонят в царский хлеб.
А если стопчет конь чужой
у бедной пряхи коноплю,
шпы в копыта забить велю
и ноги изломать.

Пусть не осмелится никто
нести беду или вражду
в убогое жилище,
затем что милостивый бог
хранит, как и царев чертог,
лачугу пряхи нищей.

О ЦАРСКИХ ДОРОГАХ

Где проходят царь и царица
или царские кони,
той дорогой может пройти безродный
и высокородный
лишь тогда, как над этой дорогой
снова гром прогремит и снова гроза
разразится,
как похроет ее новый иней
и скует ее новая стужа.

Если царские кони
из реки утоляли жажду,
пусть из этой реки целый год
никто воду не пьет,
пусть дождется бедняк,
чтоб зацвел новый мак,
чтобы минул год,
чтоб на нивах — новые росы,
по реке чтоб — новые волны.

А надумают царь и царица
на пути своем остановиться
и в каком-нибудь селе заночуют
со своими конями и свитой,
пусть село это рвом окопают
и дом этот рвом окопают,
чтобы след простого человека
той земли не осквернил бы, покуда
снова к югу не потянутся птицы,
снова медом не запахнут зори.

О ХЛЕБОПАШЦЕ

Хлебопашцу — два дня в неделю
на земле феодала трудиться.
Один день косить с рассвета,
один день рыхлить виноградник,
один день палящего лета
таскать камни
для царской дороги.
Один день молоть жерновами
монастырскую меру пшеницы.
Один день — на починку господской кровли,
еще один день — готовить семя
для полей своего властелина.
Ну, а прочие дни недели
может он для себя потрудиться.

В ЗАЩИТУ ХЛЕБОРОБА

Помиловать прошу
простого человека,
что, как трава, приходит и уходит,
переходя в забвенье из забвенья;
его картофель — тридцать жалких клубней,
и заскорузлый стебель кукурузы,
и дым над крышей, —
помиловать за то, что на пути отцов
где словом он, где делом ошибался.

Простого человека,
который любит солнце,
который верен жизни и тогда,
когда невольно изменяют ей
и ящерка, и жаворонок в небе,
и жрица ароматов — бузина,
помилуй, царь, простого человека, —
он жизни не изменит,
он приводит
вслед за собою десять сыновей.

В ЗАЩИТУ СВЕРГНУТЫХ

Прошу за свергнутого властелина,
что от ранней зари сидит одиноко
за столом, тишиною повитым,
а в бокалах его и чарах
выдыхаются старые вина,
превращаются в новый уксус,
а нетронутые солонки —
словно утренний снег январский;
за того, который ждет напрасно,
чтоб друзья вокруг него собрались,
о котором помнят лишь дурное.

Помилуванья требую для всех,
кому такая участь может выпасть,
невзгодам их, известным наперед,
которые клубятся, словно тучи,
их дому, что вмерзает сразу в лед,
который никому не растопить
и никому не преступить;
помилуванья тем, чьи дорогие гости —
одни лишь только ласточки под крышей.

не отхлнкаться, если зовут
хоть на суд,
хоть сам игумен за ним пошлет;
пусть время его три недели ждет,
и царский люд, и церковный люд,
и посланец издалека, —
пусть все его ждут.

В ЗАЩИТУ ТЕХ, КТО ХРАБР, ЛИШЬ ПОГИБАЯ

Прошу за людей,
что думают, будто свобода
то лишь только, что можно добыть оружием;
прошу за людей, которых
гонят в битву огонь и порох,
как борзых собак — на охоту;
кто готов лишь погибнуть храбро,
кто отважен только в бою.

За тех,
кто, едва лишь люди мирно вздохнут,
едва лишь увидят, что проясняются дали,
что турки с мадырами с нами боев не ведут,
тотчас попадают в неволю к вещам,
к тому, чем они, как отшельники, пренебрегали,
ко всему, с чем они воевали.

За тех знаменосцев, которые в мирные дни
водят торговые караваны;
за метких стрелков, кому недостойная их любовь
вдруг наносит глубокие раны;

за тех, что когда-то, искусно владея копьем,
выходили в атаки,
а сейчас на охоте теряют нагрудные знаки,
награды за Велбужд¹ и Стефаннану, —
помилуй их души,
царь Душан.

¹ 28 мая 1330 года сербские войска под предводительством царя Стефана Дечанского и его сына нанесли болгарским войскам сокрушительное поражение у Велбужда.

В ЗАЩИТУ ЗНАТНЫХ

Требую милости
к тем, кому шлют приглашение
на каждое празднество,
на любую игру;
к тому, кого в поезде, во храме и на пиру —
и даже в раю —
ожидает почетное место,
кому даже при жизни,
в какую гробницу положат его,
известно.

К тем, кого ждут на каждой воде корабли
и в каждом кораблекрушении — якорь,
ко всем, кому добрые ангелы —
известные и неизвестные
торопятся тотчас помочь;
уж очень им, бедным, будет невмочь,
если вдруг среди полного мрака,
где все перепуталось,
ни кнопки они не найдут,
ни звоночка, которым на помощь зовут,

ни выхода, и ни входа,
и ни одного корабля, наконец,
чтобы вернуться к себе во дворец
или путь продолжать
до обещанного небосвода.

О ЖЕНИТЬБЕ СЫНА

Когда батюшка царь наш женит сына
и дворец ему надо строить новый,
пусть все царство соберется воедино,
пусть и стар и мал сойдутся вместе;
жеребят пусть ведет в подарок конюх,
соколят пусть сокольничий выносит,
пусть холоп отдаст и то, что дать не может,
только бы царю достойно встретить сватов.

Если дочка у царицы родится
и крещение огласит царица,
пусть поют патриархи и владыки,
пусть горят золотые лампы,
пусть придут покрывальца пряхи,
пусть хупец со своим караваном,
проходящий по царскому царству,
золотую монету положит
новорожденной в изголовье,
а холоп принесет ягненка, —
все, кто в царстве живут сегодня,
пусть одарят царскую дочку.

А холоп, как женить будет сына,
пусть он сам изловчится, как может,
пусть соседи придут на помощь другу,
пусть починят старую лачугу,
пусть поможет ему осень в расчетах,
пусть наполнит чердак и подполье,
чтоб ему достойно встретить сватов,
пусть он сов наймет пономарю.

На крестинах дочери крестьянки
пусть поют дрозды и коноплянки,
пусть восходит солнце над бором,
паучихи соткут покрывало,
а звезда в изголовье дитяти
золотую монетку уронит
и сплетет ей сосед-корзинщик
колыбельку из ивовых прутьев.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОСТАТКЕ

Все воды Лаба и Вардара,
все иныи лугов и ний,
все ледники твоих ущелий, Шара,
все ледяные бусы под стрехой,
все небо синее,
все ливни,
что помнит в засуху сухую земаю,
все паводки весны,
объятья всех оврагов,
все слезы бедноты и весь батрацкий пот —
в бассейны царских рек пусть это все течет.

Все ваше молоко, все дойные коровы,
пускай оно из вымени течет
по нивам, по канавам, по отавам,
в царевы медные котлы,
в подойники царевы.
Все красное и белое вино
из виноградных сел,

из клетки бедняка,
из бочек, из кувшинов, из корчаг,
все старое вино и молодое сусло,
пускай течет оно
в царевы бочки,
в цареве русло.

Весь мед, что пчелка соберет
с цветения садов,
с ресничек трав,
с золототканых риз лугов и пашен,
пусть потечет в царевы чаши.

Все золото подземных рек,
все серебро ключей высокогорных,
все перламутры радуг,
все жемчуга, успевшие созреть,
весь звон монет, все серебро и медь,
все прибыли с батрацкого труда,
мешки и груды злата,
что добывают, батраки, мотыга ваша и лопата,
в породе просверкнувшая рука
и каждая серебряная жилка, —
пусть это все течет без счета
в распахнутые царские ворота.

Весь урожай полей,
вся озимь и вся ярь,
и каждый стебель, что сумел пробиться
сквозь дерн и сорняки,
вся золотая рожь, вся белая пшеница,

которую ответит бедный люд
на гумнах и на мельницах крестьянских,
пускай течет к царевым жерновам,
и станет ароматною мукой,
и потечет пушистою рекой
в квашни царевы.

В ЗАЩИТУ ЖЕЛУДЯ

Готовят корабельщики твои
тебе, царь Душан, белые ладьи,
соколыники выводят соколов,
пчела приносит солнечные капли,
и рыбаки несут свой золотой улов;
и пахарь отдает полей своих плоды,
охотники тебе несут рога оленьи,
и переписхут от руки тебе Евангелъе дьяки,
художник занят росписью церквей,
и кузнецы куют врата монастырей,
и можжевелъник ладан льет в твои каднла,
и тун для тебя чекают кандня ¹.
А я прошу о желуде всего лишь.
Пусть будет желудь, если ты позволишь.
Пускай, разворошив опалый лист и хвою,
голодное дитя найдет его зимою.

¹ К а н д н я — вид подсвечника.

**В ЗАЩИТУ ТОГО,
КТО ПАЛОМНИКОМ НЕ БЫЛ**

Я милости прошу для человека,
который не паломничал от века,
вовек не выбил искру из кремня,
и сам ни разу не разжег огня,
и отроду не высекал
живой воды из мертвых скал,
и не слепил лачуги ни едкой
ни из соломы, ни из глины,
лес не сплавлял по бешеной реке,
не уплывал в дырявом челноке,
и верным спутником в пути
и муравья не смог найти,
и не был никогда наедине
с грозным морем, полным до краев
водою ли, надеждой ли, отчаяньем;
который никогда не знал вселенной,
хоть б ее подвальных этажей,

который даже дня не проживет
обманчивыми звездами высот,
ни разу не согреется, бедняк,
восторгами поэтов и бродяг.

В ЗАЩИТУ НАИВНЫХ

Всем, кому кажется, будто равны
те, что беспомощны, и те, что сильны,
и богатые и бедняки,
безрукий и тот, у кого две руки,
тот, кто не был судим никогда,
и тот, кто вернулся после суда,
слепец необученный и ученый,
миропомазанный и отлученный,
званный и тот, что под дверью ждет;
для них,
для себя,
для любого из нас
требую милости!

В ЗАЩИТУ ТЕХ,
КТО СПОТЫКАЕТСЯ О ПОРОГ

Требую милости
к простодушным,
к тем, кого все изумляет на свете,
к тем, что весь век свой как малые дети,
к вечным мечтателям
и утопистам,
к тем, кто прошел через воду и не напился,
к тем, кто прошел сквозь богатство и остался
чистым;
к тихим, к печальным,
к тем, что совсем не такие, как я,
и к тем, кто похож на меня,
к неученым, к неловким,
что всегда спотыкаются на пороге,
и чашу роняют из рук,
и жмутся под стенкой и с краю,
к тем, кого каждый рад повстречать на пороге,
к тем, кого радует каждая малость вокруг,
к тем, что проходят задумчиво,
словно каплю несут на ладони,
к тем, кто совсем на меня не похож,
и к тем, кто похож на меня.

В ЗАЩИТУ ПОМИЛОВАННЫХ УЗНИКОВ

Прошу помилованья
для помилованных.

Для узников, что не смеют вокруг заглянуть,
куда бы ни вел их путь,
с которыми рядом стоять не хотят,
и когда они подати платят царю,
и когда их невинными провозгласят.

Для того, кто на каторгу был осужден,
но даже, когда помилован он,
никто не пускает его на ночлет,
и булочник хлеба ему не продаст,
и посторонится в церкви сосед,
и «Отче наш» вместе с ним не прочтет,
и лишь соглядатай, что ходит за ним по пятам,
заговорит с ним сам.

Для мужика, что, отбыв свой срок,
у царя в долгу до сих пор
и прошлое, словно злой наговор,
не может сбросить никак.

Его повстречав, непойманный вор
надменно отводит взор,
и даже друг его детских годов
за угол быстро свернуть готов.

Для узников, царь,
для помилованных.
Ах, уж это помилованье,
оно тяжело, как жернов.

В ЗАЩИТУ БАТРАКА ЕРНЕЯ

Требую помиловать

батрака Ернея!

Он с тех пор, как растет трава
и небо, как ягоды, родит звезды,
напрасно ищет свои права.

Заступаюсь за батрака Ернея, —

длиннее экватора борозду он вспахал на своем веку,
и больше камней истолок, чем в горном хребте вершин,
и больше связал снопов, чем другие собрали цветов.

Требую милости к старому батраку!

За батрака Ернея,

за обиды его и права.

Стоит он на перекрестке и что есть мочи кричит,
что земля, которую он вспахал, это его земля,
и корова, которую он вскормил, ему принадлежит,
и голова на его плечах, это его голова.

Заступаюсь за тех, кого не слышит закон,
кому ни старосты, ни цари не заступя ничуть,
чье проклятье, однако, тиранам тяжелее, чем камень
в несколько тонн,
даже хоть и души не будь,
ни бога, ни черта не будь.

В ЗАЩИТУ ПРОСТОЛЮДИНОК

Милости прошу
к крестьянкам,
задувающим лучину в клетки,
чтобы смех молодой играл,
как играет вино молодое;
к их раздумьям, к их мечтам, согретым
солнцем,

полным тайных ароматов сена;
к женщинам простым,
что помнят смутно
ночь, когда любили и рожали.
Милости к тому, за что свекрови
их отчитывают вечерами,
в очаге затапывая угли.
Милости прошу к простолюдинкам, —
замуж их отдать поторопился,
бросив из-под крылышка родного
под камень, под обвалы страсти;
ко всему, что им от древности осталось:
к талисману от дурного глаза,
что висит над детским изголовьем;

к базилику, спрятанному в крыше;
к тайным вздохам женщин, умиленных
сказкой о царевице прекрасном.
К женщинам, что в страшную годину,
даже если враг убьет дитя в утробе,
верят, что зачатие — божья милость.

В ЗАЩИТУ ЗЕМЛИ, ПЕСНИ ТВОРЯЩЕЙ

Для древней земли, слагающей песни,
для вечных шаблонов ее,
неизменных ее реквизитов,
для неба, что полнится нежностью пенной,
для патетических стыков вселенной,
для лугов в ненасытной идиллии лета,
для лирических запахов трав и для лирики лунного
света,

для презренных лазурей апреля,
для октябрьского леса, высоко взметнувшего факел,
для письма ее древнего, что не померкло доньше,
для сказки, которую пишет иней.

Для земли,
для мелодии песен ее,
для богатства созвучий и рифм ее отзвуков горных,
для верлибров ее молодого потока,
который бежит издалёка,
для ее колыбельной, исполненной грусти,
что река начинкает от устья,
для каменных здравниц, что вздымают ее водопады.
Для земли,
для любви,

для стихов про любовь,
для ее мадригалов — водою рожденных цветов,
для свадебных песен цветущих ветвей,
для июньского неба в гирляндах сонетов,
для влюбленных мечтателей — для поэтов,
для тебя, черный дрозд,
для тебя, соловей,
для всех, кто в немилость попал, —
милости!

В ЗАЩИТУ ТЕХ, КТО НЕ УМИРАЕТ ВОВРЕМЯ

За тех прошу, у кого на душе
тот же полдень стоит уж полвека,
для человека,
что любит старинные песни, любовные песни,
и в минувшее крепко вцепился.
И пишет он так, как полвека назад,
как сегодня писать нельзя нипочем,
а он не желает иначе
и не умеет шагать быстрее и всегда отстает хоть
на шаг;
ему бы вовремя умереть, а он все никак,
только больно ему становится вдруг,
если он обернется назад,
если в прошлое он устремляет взгляд,
и еще от разлук.
За тех, кто не может все жечь и палить вокруг
по полному праву,
за старые подвиги их и за старую славу.
Для тех, кому берег былого — навеки родимый дом
и горькая память о прошлом навек дорога.

Для тех, кто потухшие солнца готов защищать
от врага
и вспоминает нежно растаявших зим снега,
прошу я помилования.

В ЗАЩИТУ АПОКРИФОВ

Помилования, помилования
гонимым сектантским апокрифам¹,
запретным романам, —
их читают спеша,
остаются следы чьих-то рук
и пометки лилового карандаша,
и совсем изорвались иные страницы.
Как-то так повелось, что с усмешкой о них
говорят,
а читают, забыв обо всем.
Сохранит ли их вечность?
Нет, их не доставит туда позолоченная
колесница
и скакун не домчит легконогий и быстрый, как
птица.

Но они доберутся густыми лесами,
каменистыми козьими тропами,
над темными кручами,
сами.

¹ А п о к р и ф ы — произведения легендарно-религиозного характера, запрещенные церковью как не соответствующие ее основным законам.

В ЗАЩИТУ ЗАВИСТНИКОВ

Заступаюсь за бедных завистников,
за тех, что мрачнее туч,
оттого, что в чужие дворы проникает солнечный
луч;
за того человека, который ненавидит поток воды,
потому что он убегает журча и в чужие сады;
ненавидит землю за то, что она родит и за его межей,
и стаю птиц перелетных,
отдохнувших на крыше чужой.
За бедных завистников,
шипящих страшнее змей,
едва о чьем-нибудь подвиге слава до них дошла,
едва лишь они услышат доброе слово людей,
едва лишь они увидят человеческие дела.
За людей, готовых просить у судьбы
землетрясений,
затем лишь, чтоб рухнул дом,
что выше, чем их дома;
пожаров,

чтобы славы чужой стога слезнула красные языки,
а они бы стояли невдалеке и глядели из-под руки.
Заступаюсь за бедных завистников,
царь Душан, нет казни страшней,
чем злобная зависть, грызущая живые сердца людей.

В ЗАЩИТУ ЗОЛУШКИ

Помилования —
для красоты,
когда, лохмотьями укрыта,
она уснет у грязного корыта,
покуда мачехина дочь
в твоём дворце пропляшет ночь.
Для Золушки,
для пепла, для золы,
которая ей кудри посыпает,
покуда королевич молодой
той, мачехиной, той,
со срезанной пятой,
заветный башмачок напрасно примеряет.
Для падчерицы, что всегда в трудах,
для неродной,
что у плиты хлопочет,
покуда в пышных залах и садах
ты принимаешь чопорных и злых
и безобразных мачехиных дочек.
Для красоты, уснувшей у корыта,
которая презренна и забыта,

и для ее затерянных следов,
оставшихся в тени твоих садов.
Для Золушки
в золе и платье измятом,
которую не повезут на бал
и не покажут королевским сватам.

ПО ЦАРСКОЙ ДОРОГЕ ЛЮДИ ИДУТ

По царской дороге люди идут,
горло у них — пересохшая рана,
будто из ада они бежали.
Кто такие они? Что за люд?
Это грешники праведников продают
в другую веру, в другие дали.

По царской дороге безухие люди идут.
Их души не тешит посеребренный леса
серебряный голос птицы.
Кто такие они? Что за люд?
Мужики — их схватили на сходках, их
в кандалы закуют,
потому что они не хотят покориться.

По царской дороге люди идут,
пылают на них ожоги,
горят синяки.
Кто такие они? Что за люд?
Бабуны, староверы, еретики...
Потому их и гонят по царской дороге.

По царской дороге люди идут.
У них разодранные ноздри
и гаснут глаза их.
Кто такие они? Что за люд?
Мужики безземельные,
убежавшие от хозяев.

По царской дороге безрукие люди идут.
Словно тысяча лет им,
так сгорблены плечи и спины.
Кто такие они? Что за люд?
Мужики, погравшие
бородой своего господина.

О ПРОЩЕНИИ

Нет, я не бог,
я царь, —
лишь в божьей власти
прощать, не думая о том,
что в слабости его за это упрекнут
и заподозрят в соучастье,
и если он простит еретика,
его определят в еретики.
Нет, я не бог, —
он воскрешает мертвых
и поднимает свергнутых во прах,
и все-таки молчат клеветники,
не утверждая, нет,
что он мечтатель и поэт.

Нет, я не господин и не простолюдин,
который мстит, который нож за нож,
и зуб за зуб, и срам за срам.
Нет, я не вправе управлять,
как мне подсказывает сердце;

я царь,
я тоже раб законов,
которые лишь утверждаю сам.
Я не судья, —
у них в руках закон,
чтобы судить, —
пусть он поможет судьям.
Я не палач, чтоб головы рубить,
чтоб вешать и казнить.
Я царь —
мне нет нужды
спускаться как злодею к людям.
Мне милостивый бог престола занять помог,
но я прощать не вправе,
я — не бог.

НЕТ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ

ЗАВАЛЯВШИЕСЯ МОНЕТЫ

Почему-то несколько осталось неистраченных
у меня монет.

Бог их знает, как я не заметила
неприметно завалявшихся во мне.

Кто узнает, что заставит вдруг истратить их —
запах снега, внемомы
иль какое-то бездушное страдание, —
чтобы как-то откупиться от него мне.

Это где-то вдруг в концерте будет, может быть,
где-то при виоле
буду так же я печально расточительна,
как однажды при любовной боли.

Может, голоса виолончельные,
словно человечьи,
вдруг заставят промотать имущество
молодо, невинно и беспечно.

Чем я дольше жду, тем глубже погружается
все мое богатство.
Трудно будет, как до камня затонувшего,
в глубях сердца до него добраться.

ВСЕ РАВНО

Даже тысячу лет проживши,
после смерти я буду схожа
с теми, кто не родился.

Даже век свой прожив счастливо,
после смерти я буду схожа
с теми, кто плакал.

Даже запятнанная клеветою,
после смерти я буду схожа
с теми, кого хвалили.

Даже память оставив в душах,
после смерти я знать не буду,
что меня вспоминают.

Даже мудрость впитав земную,
после смерти я знать буду меньше,
чем ком земли у дороги.

Даже доброе сердце имея,
после смерти я стану
равнодушнее камня.

Даже радуясь ясному солнцу,
не смогу после смерти
выйти из мрака.

И, полна сознания жизни,
после смерти я знать не буду
о том, что жила на свете.

НЕТ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ

Нет больше времени на длинные фразы
и на долгие переговоры.
Стучу приказы, как в телеграмме.
Нет больше времени раздуть свое пламя.
В прогоревшие угли руки прячу.
Нет больше времени на прогулки —
сокращаются мои тропинки.
Нет больше времени обернуться,
нет больше времени возвратиться,
нет больше времени суетиться.
Время думать о необъятном.
Нет больше времени стоять на распутье.
Отлучиться могу лишь по соседству.
Нет больше времени исследовать.
Нет больше времени анализировать.
Вода стала просто водою,
как тогда, когда из ручья ее пили.
Некогда разлагать небо —
таким же вижу его, как и дети.
Нет больше времени на чужих богов —
и своего не знаю толком.
Некогда усваивать новые заповеди —

слишком много
и десяти
старых.

Некогда примыкать
к тем, кто доказывает истину.
Некогда бороться с монми гонителями.
Некогда предаваться мечтаньям,
некогда шагать неторопливо.

ВРЕМЯ ПРОШЛО

Говорю обо всем, что сейчас случилось,
как будто с тех пор промчались
световые годы — целая вечность.
Говорю обо всем так неуверенно,
как будто нас разделяет
многих вселенных бесконечность.

Как на дуб, окольцованный тремя веками,
которому память уже изменяет,
я смотрю на прошлое и пересчитываю
годовых колец паутину.
Это — лес, обуглившийся под ледниками,
погруженный в столетий тину.

Говорю теперь не «люблю», а «любила»,
как будто все это было
на какой-то планете синей,
где тысячу световых лет назад
я любила
и оставила нерожденного сына.

РОДНЫЕ МЕСТА ПОЭТОВ

Есть места, которые
я никогда не брошу,
куда и во сне возвращаюсь,
словно кто-то туда толкает.
Иногда это скалы,
иногда это рощи,
иногда это взгорья,
посещаемые влюбленными.

Может быть, там,
по дороге в вечность,
ваши души спешили,
полные воспоминаний
и греховных смятений.
Может быть, меня манят
эти краски и линии,
потому что когда-нибудь,
на земле позабытая,
проплыву там в тумане.

РУКА

Тяжелая костистая рука
лежит устало на ее коленях.
На ней морщины запутанная сетка
и голубые вены, словно ветка.

Но лишь она поднимется с колен,
чтобы затылка детского коснуться,
отхлынет яд усталости из вен,
и свет и силы снова в ней проснутся,
сустав войдет в сустав, поднимется рука,
как стебель, политый водою,
в ней чувствуется жизнь, и кровь, и сила.
Но отойдет дитя,
и упадет она
на старые колени,
как в могилу.

ТЫ ОБЕЩАЛА, ЧТО БУДЕШЬ ВЕЧНОЙ

Ты обещала однажды в детстве,
что будешь вечной,
что встретишь нас, откуда бы мы ни вернулись,
словно порог родного дома,
словно тень под его стрехою.

Куда бы мы ни уплывали,
ты, как рыбачка,
сидела у моря, глядя в пучину;
после каждой бури
и кораблекрушенья
твое лицо мы видели в чистом небе.

Где бы мы ни проснулись,
в окошке видели тебя и солнце,
ты всегда была необходимой и сушей,
как воздух.
Как вода —
всегда была под рукою.

Обещала, что будешь вечной,
как все, что нас встречает в мире
и провожает нас оттуда.
Когда умирала,
казалось, чувствовала себя виноватой
в том, что нас покидаешь.

НАСЛЕДСТВО

Смерть тебе удар свой нанесла,
уничтожив память, мысли, страсти, —
для нее святых на свете нет, —
но последней волей в смертный час
ты распорядилась и спасла.

И оставила в своем дому
каменную волю — одному,
любопытство детское — другому,
а кому-то — страсть рождать детей
в сочетании с мягкостью твоей
и души апрельскую истому.

Прямо в сердце одному из нас
правдолюбья вставила компас,
наделила строгостью святою.
Ну, а те из нас, что весь свой век
жадно пили молоко твое,
те добры твоею добротою.

А кому-то уделяла ты
дивный свет печальной красоты
своего немеркнувшего лица.
Перепадал и мне какой-то медный грош
от богатств твоих и щедрости великой.

ЗАХЛОПНУЛИСЬ ВОРОТА

Затворились за мной все ворота и все воротца,
все выходы и все входы,
что ведут на большие дороги,
в леса и в рощи,
в сады-огороды.

Мне остался лишь только клочок земли у дома,
никакого ни поля, ни баштана;
но и тут весна сменяет зиму
и за тучами грохочут грозы,
и, как все, встаю я рано-рано,
как другие, сею и копаю,
обрезаю виноградные лозы.

И в моем пристанище малом
иногда бывает очень жарко,
потому что июнь стоит на свете,
первые дожди шумят в апреле,
и зимой бунтует пролетарий-ветер,
и незримая горлица весной
льет свои серебряные трели.

Затопляют и меня потоки,
как иные огромные поместья,
лунный свет и у меня сияет,
гром гремит и надо мной жестокий
и напоминает мне о боге,
и пугает, и грозит бедою.
И как у помещика большого,
в августе и мой клочок убогий
озарен вечернею звездою.

ЗАПАХАННАЯ МОГИЛА

Перепахали пахари могилу у дороги.
В земле одна земля, и поверху и глубоко,
и существа, что таятся от света вдали,
червяки, и медведки, и переплетенные корни,
и каплет бурьяново желтое молоко,
и попадают кости — сестры земли.

Отрыли пахари в глине одну только глину,
и солнце согрело ту глину, и встал над комьями дым,
и никакого ни гроба, ни перстня и ни ремня,
ни имени человека, ни того, что было им.
Нашли одну только землю, землю и тишину
и вперемешку с землей и с костями
осколки кремня.

ЛУННАЯ НОЧЬ В БРАНКОВИНЕ

Свет луны, как душа поэта,
сделал горизонт печальнее и шире,
осветил глухонемые вещи,
заснять помог ничтожным и малым,
застелил поля, как стол на праздник,
белым покрывалом,
превратил лесистые вершины
в чудища, давно исчезнувшие в мире.

Свет луны, как душа поэта,
окрылил наши старые деревья
и пустил их плыть по теченью,
застелил серебром лачуги,
высветил родимые тропинки,
разбудил наши отчие могилы,
как знамена развернул покровы,
перекинул стволы мостами,
уводящими далеко-далеко,
над незримыми чужими берегами
до Ла-Манша от малого потока,
что течет у нас в Бранковине.
Лунный свет, как душа поэта.

ВОЗЛЕ ДОМА

Крестьяне хоронят отцов и братьев
на своем поле,
чтобы в пору сева и жатвы
они — и мертвые — рядом были.
В праздники ходят к ним сивозь кукурузу
или по пашне, или по тропке,
той, что для них специально пробили.
Вижу ваши могилы, словно вас схоронили
возле родного порога
между домами самых близких,
тех, которые все понимают,
если через забор им крикнуть,
тех, у которых в страду подмоги
просят и косу и серп занимают.

ЗАВЕЩАНИЕ

Оставляю вам только слова —
из глубоких сокровищниц слуха
откопала я их, словно клад из колодца,
получила в наследство от дивной свирели ветров.
Оставляю вам только слова —
их сковали мне там, где куются серпы,
из того же металла.

Я сумела их вырвать из клюва той птицы,
что над облаком пролетела.
Только слова — я их нашла в очаге, —
им ведома тайна огня.

Я прочла их во взоре немого,
услыхала в рыданье.
Это их произносят потоки и малые дети,
едва лишь увидев зарю.

Ничего не оставляю вам, только слова,
заточенные в стих, как в янтарь насекомые давних эпох.
Ничего от меня не останется,
ни кровинки, ни косточки,
ни сердца, ни даже сердечка, хоть малого,
как у самой крошечной пташки.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Кутасова. Десанка Максимович	5
---	---

ЗЕЛЕНЫЙ ВИТЯЗЬ

К молодости. Перевод М. Петровых	19
Предчувствие. Перевод М. Ваксмахера	21
Страх. Перевод А. Ахматовой	23
Томление. Перевод А. Ахматовой	24
Скошенный луг. Перевод Н. Стефановича	25
Змея. Перевод Л. Мартынова	27
Зимним днем. Перевод А. Ахматовой	29
Мы не виноваты. Перевод В. Тушиновой	30
Наша тайна. Перевод В. Виноградова	32
Предчувствие. Перевод А. Ладинского	35
Рассказ о поэте. Перевод В. Виноградова	36
Предостережение. Перевод Б. Слуцкого	38
Зеленый витязь. Перевод Н. Стефановича	40
Счастье. Перевод А. Ахматовой	41
Молитва о любви. Перевод Т. Макаровой	42
Вечер. Перевод А. Ахматовой	44
Усталость. Перевод А. Ахматовой	45
Весна выст гнездо. Перевод В. Имбер	47
Стихи одиночества. Перевод В. Виноградова	48
Урок географии. Перевод Б. Слуцкого	50
След. Перевод Н. Стефановича	52
Вещи. Перевод В. Имбер	53

ПАССАЖИР ТРЕТЬЕГО КЛАССА

Колыбельная крестьянки. Перевод М. Петровых	57
Мои земляки. Перевод Б. Слуцкого	59
Пассажир третьего класса. Перевод Б. Слуцкого	60
Стихи о покинутом ребенке. Перевод В. Тушиновой	63
Смерть крестьянника. Перевод Б. Слуцкого	65
Ответ современнику. Перевод Б. Слуцкого	67
Провинциалы. Перевод Б. Слуцкого	69
Филин. Перевод Д. Самойлова	71

КРОВАВАЯ СКАЗКА

Любовная песня. Перевод Д. Самойлова	75
Человек. Перевод М. Алигер	76
Звезды. Перевод Н. Стефановича	78
Женщина. Перевод М. Петровых	80
Поэт и отчизна. Перевод М. Ваксмахера	82
Ночь в родном краю. Перевод Б. Слуцкого	84
Кровавая сказка. Перевод Б. Слуцкого	85
Больно за человека. Перевод В. Тушиновой	88
Сербия — великая тайна. Перевод Б. Слуцкого	90
Хлеб месят. Перевод Б. Слуцкого	92
Детская косичка в Освенциме. Перевод Б. Слуцкого	94

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Весна, а я увидаю. Перевод Л. Мартынова	99
Сено. Перевод М. Ваксмахера	101
Не бойся. Перевод Д. Самойлова	102
Ниспровергнутый бог. Перевод Л. Мартынова	104
Верю. Перевод Б. Слуцкого	105
Утренняя песня. Перевод Б. Слуцкого	106
С чего ты мне снова напомнило, небо... Перевод М. Алигер	107
Лед твоё сердце быстро сковывает. Перевод Л. Мар- тынова	108
Рождение любви. Перевод Д. Самойлова	109
Беспокойный день. Перевод Д. Самойлова	110
Скрипки Чайковского. Перевод Н. Стефановича	112
Откликнулись только птицы. Перевод М. Алигер	114
Кузнечики. Перевод Д. Самойлова	115
Погоня. Перевод Л. Мартынова	116
Опасная игра. Перевод Л. Мартынова	118

ТРЕБУЮ ПОМИЛОВАНИЯ

Спор поэта с Законодком царя Думана

Перевод М. Алигер

Воззвание	123
О бедной прихе	125
О царских дорогах	126
О хлебопашце	128
В защиту хлебороба	129
В защиту свергнутых	130

О войне	131
В защиту тех, кто храбр, лишь погибая	133
В защиту знатных	135
О женитьбе сына	137
О государственном достатке	139
В защиту желудка	142
В защиту того, кто паломником не был	143
В защиту наивных	145
В защиту тех, кто спотыкается о порог	146
В защиту помилованных узников	147
В защиту батрака Ернея	149
В защиту простолюдинок	151
В защиту земли, песни творящей	153
В защиту тех, кто не умирает вовремя	155
В защиту апокрифов	157
В защиту завистников	158
В защиту Золушки	160
По царской дороге люди идут	162
О прощении	164

НЕТ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ

Заваливавшиеся монеты. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	169
Все равно. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	171
Нет больше времени. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	173
Время прошло. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	175
Родные места поэтов. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	176
Рука. <i>Перевод М. Алигер</i>	177
Ты обещала, что будешь вечной. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	178
Наследство. <i>Перевод М. Алигер</i>	180
Захлопнулись ворота. <i>Перевод М. Алигер</i>	182
Запаханная могила. <i>Перевод М. Алигер</i>	184
Лунная ночь в Бранковине. <i>Перевод М. Алигер</i>	185
Возле дома. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	186
Завещание. <i>Перевод М. Алигер</i>	187

Для старшего возраста

Десанка Максимович

ЗЕЛЕНЫЙ ВИТЯЗЬ

Ответственный редактор

Г. В. Языкова.

Художественный редактор

А. В. Панина.

Технический редактор

Н. Ю. Крайоткина.

Корректоры

К. И. Каренская

и Г. В. Русакова.

ИБ № 2633

Сдано в набор 24/1 1977 г. Подписано к печати 1/VI 1977 г. Формат 70 x 100^{1/32}. Бум. офс. № 1. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 4,95. Тираж 50 000 экз. Заказ № 329. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Максимович Д.

М 17 Зеленый витязь. Избранные стихотворения. Сост. и автор предисл. О. Кутасова. Рис. Г. Клодта. М., «Дет. лит.», 1977.

191 с. с ил. (Поэтическая б-чка школьника).

Сборник избранной лирики крупнейшей современной поэтессы Югославии.

70803—405

И (Югос)

М — — — — — **43Р—77**

М101(03)77

